

Царица Московская

Москва. Тушино. Лагерь Лжедмитрия II

— Открывай, ирод!

Всадник в черном плаще несколько раз ударил саблей по кривым доскам ворот. Крытая карета за спиной всадника, натужно скрипя колесами, остановилась.

— Поторапливайся, сучий сын! — продолжил он изливать свою накопившуюся за долгую дорогу злость. — Не видишь, русская царица к мужу своему пожаловала.

Часовой, продрав сонные глаза, устремился к закрытым воротам.

— Царица! — сквозь зубы процедил часовой. — Много вас тут всяких царей да цариц ездит.

Запоры деревянных косых ворот заскрипели, словно сверчки на летнем лугу. Часовой медленно распахнул ворота и, молча склонив голову, что-то невнятно пробурчал.

Всадник в черном плаще услышал слова часового, но предпочел промолчать и не поднимать шум в лагере. Он тихо проехал вовнутрь, вслед за ним, скрипя колесами, проковыляла и черная крытая карета.

— Царица русская, — тихо пробормотал часовой. — Знамо мы, какая она русская царица. Подстилка польская. Самозванка.

Часовой запер обратно ворота и, понунив ощипанную, словно курица, голову, побрел обратно в избу.

В лагере Лжедмитрия II в Тушино вновь воцарилась мертвая тишина.

Марина сошла с кареты.

— Почему меня никто не встречает? — недовольно пробурчала она.

— Так спят все! — пробубнил чубатый казак у самой большой избы.

Хоромы нового царя, несмотря на то что были самыми большими в сельце Тушино, срублены были криво. Крыша была застелена почерневшей кривой сучковатой доской. Крыльцо было грубо сколочено из таких же кривых досок, к тому же скрипящих, как будто и не крыльцо это, а обыкновенный смычок. Над порогом двери висел орлений герб, кем-то небрежно вырезанный на обыкновенной сучковатой доске.

Мнишек подняла голову вверх. Небо над лагерем в Тушино в эту ночь было таким бездонным и черным, что Марине казалось, эти маленькие сверкающие огоньки звезд заглядывают ей в само сердце и душу.

Что она обрела здесь, в чужой и варварской стране, покинув отчий дом в Сандомирском воеводстве?

Первый муж, царь Дмитрий, был бесславно умерщвлен и растерзан толпой москвитов прямо на площади у дворца. Вместе с ним рухнули и все ее надежды на счастливую безбедную жизнь русской царицы.

Со вторым Дмитрием была полная неизвестность. Гетман Ян Сапега задумал с ее помощью узаконить власть второго самозванца Димитрия. Только пойдет ли за ним народ, или же расправится, как и с первым Димитрием.

Ничего, может, хоть с этим самозванцем Бог будет милостив к ней.

— Где государь? — сухо бросила она казаку, откидывая кашпошон плаща.

— Туточки он, — буркнул в ответ казак. — Почивать изволит.

— А вы, стало быть, царица наша Марина Юрьевна? — брякнул казак, отвешивая поклон.

Марина презрительно посмотрела на казака.

— Стало быть! — процедила она.

Мнишек открыла дверь. В горнице царил полумрак. На большом деревянном столе виднелись следы вчерашней

попойки. Стаканы и тарелки были скиданы в одну кучу, на полу валялись пустые бутылки.

Даже некоторые образа были перевернуты и раскиданы по избе.

Царская постель — огромная деревянная кровать — была вся взбита и перевернута. Царя Дмитрия в постели не было.

Марина тяжело выдохнула и перекрестилась. Знакомство с новым мужем начиналось совсем не так, как она представляла. Она прекрасно осознавала, что все эти новые цари по факту оказывались обычной пьянью.

— Эй, служивый! — Мнишек щелкнула пальцами. — Служивый! — громче повторила она.

В проеме двери показалась грязная бородатая морда казака.

— Так где царь? — нарочито с акцентом произнесла она, указывая на пустую кровать.

— Тут царь был! — Казак испуганно перекрестился и, полнотью открыв двери, влетел в царскую горницу. Он бросился шарить под кроватью и заглядывать во все углы.

— Царица небесная! — тихо завыл казак. — Царя украли!

Казак только хотел раззявить рот, чтобы поднять на весь лагерь крик, но Марина резко остановила его.

Казак молча кивнул и, выпучив красные от вина глазища, заковылял к двери. У дверей он чертыхнулся и недоверчиво посмотрел на царицу, но, встретившись с Мнишек взглядом, вновь дико взвыл и вылетел наружу.

Марина подошла к столу. Покачав головой, она взяла одну из икон, что лежала в луже поила, и, тщательно обтерев платком, отнесла к киоту.

— Негоже святым в грязи лежать, — мрачно заявила она.

За окном раздался шум. В дверь несколько раз что-то ударилось и затихло.

— Пьянь подзаборная! — прошипела царица. Шум за окном не утихал.

Крики теперь доносились со всех сторон.

— Бей их! — орал чей-то хриплый гнусавый голос.

— Царя, царя борони! — кричал кто-то вслед. В дверь вновь сильно ударили. Внезапно под окнами раздался рев походной трубы. Шум за окнами стал утихать.

Тяжелая деревянная дверь несколько раз дернулась и широко распахнулась. На пороге стоял бородатый мужичок низкого роста в зеленом кафтане. Лицом новый царь был страшноват, как и предыдущий.

Мнишек поморщилась от омерзения.

— Где тут моя царица? — гнусаво проревел мужичок. Мнишек сделала шаг в сторону. От мужика, который и был, по всей видимости, царем Димитрием, жутко несло каким-то пойлом и лошадиным потом.

— Ну, здравствуй, моя государыня! — проревел мужик.

Он сделал несколько шагов вперед и протянул руки, чтобы обнять Марину, но запнулся о порог и упал на пол. Вслед за царем Димитрием в избу зашли несколько казаков в синих шароварах и два поляка в порванных жупанах и с синяками под глазами. Лица казаков, сопровождавших пьяного царя, также были иссечены кровавыми полосами и синяками. Несмотря на это, казаки имели вид более приличный, чем поляки.

— Уберите его! — цыкнула царица. Казаки и поляки молча кивнули и ухватили мертвецки пьяного Димитрия за руки и за ноги. Марина ткнула пальцем в сторону кровати.

— Будет сделано, царица! — крикнули казаки и потащили пьяного царя к кровати.

Бросив полуживое тело на кровать, казаки молча проследовали к Мнишек и низко ей поклонились.

— Прости, царица! — пролепетал один из них, уминая в кулаках шапку.

— Всякое бывает! — добавил другой. — Праздновал царь Димитрий твое возвращение к нему в лагерь в Тушино. К полудню очухается.

Казаки подтянули ремни, поправили сабли и повернулись к иконам, желая перекреститься. С домашнего киота на них с безразличием взирал лик печальной женщины с младенцем на руках. Нужны ли ей молитвы этих шальных людишек? Казаки не думали о том, что думает о них эта женщина. Они просто застыли перед ее печальным образом, словно деревянные истуканы.

— Ступайте уже, — проворчала Мнишек, — после покреститесь.

Кзаки молча переглянулись между собой и вышли из избы. Двое поляков остались в избе.

— Никитка, — злобно пробурчал один из казаков, оказавшись на крыльце.

— Ну, — огрызнулся другой казак, приглаживая блестящую лысину.

— За что воюем-то? — сокрушаясь, произнес он. — А главное, за кого?

Пожилой казак хитро прищурился и крикнул:

— Тебе гроши новый царь платит, знай помалкивай. А ляхи, али еретики, али самозванцы, то дело второе.

Молодой казак поморщился, но все же согласился с товарищем.

Деньги-то новый царь ему отвесил, не обидел. Вот они, гроши, звенят в кошеле. Чего тут кручиниться?

— А пес с ними! — махнул он рукой. — Айда в хату.

Кзаки медленно поплелись в противоположный конец сельца, где своей маковкой потянулся к самому Господу Преображенский храм.

— Ясновельможная пани, — склонившись, услужливо прошептал один из поляков, — нужно организовать вашу торжественную встречу с царем Димитрием. Вы должны при всем войске признать его как вашего законного супруга и государя Московии. — Поляки сомневались, что Мнишек признает нового самозванца. Их лица были напряжены.

— Этот? — Марина Юрьевна кивнула на кровать, где храпело пьяное тело Димитрия.

— Этот! — криво усмехнулись поляки. — Прости, царица, другого царя тебе не нашли.

Марина тяжело вздохнула и опустила на стул.

Она осталась в этой жестокой варварской стране одна. Отец бросил ее под Москвой, сам вернулся в Польшу на службу к своему сюзерену Сигизмунду III.

— Велите убрать со стола, — прошептала она.

Один из поляков бросился из избы и кликнул кого-то из слуг.

— Сделайте, что велит царица, — распорядился поляк, — и убирайтесь.

Слуги принялись сметать со стола остатки попойки. Царь Димитрий мирно во все горло храпел на кровати. Бутылки со звоном летели в плетеные корзины, туда же отправлялись и остатки недоеденного мяса и пирогов. Стол быстро освободили и застелили зеленой атласной скатертью, что повергло Марину в некоторое недоумение. Откуда у этого голодранца атласные скатерти?

— Принесите бумагу и перья! — велела Мнишек.

Слуги, отвесив низкие поклоны, словно тени, выскользнули из избы. Бумага была хорошая, шведская, как и чернила, но сейчас не качество чернил и бумаги беспокоило новоявленную русскую царицу. «Письмо батюшке нужно составить тщательнейшим образом», — размышляла она, сидя на стуле с высокой спинкой. Очевидно, этот стул выполнял для нового царя роль трона.

«Письмо нужно составить батюшке, — повторила она про себя, — взвешивая и обдумывая каждое начертанное слово». Именно от этого зависит ее судьба здесь, в Московии. Этот самозванец — Мнишек бросила взгляд на пьяного Димитрия, — этот самозванец не сможет тягаться с новым царем Василием Шуйским. К тому же Шуйского поддерживает Швеция. За деньги, конечно. Но шведские рейтеры стоят у Шуйского за спиной.

Марина села за стол и взяла перо.

— Подайте мне бумагу! — крикнула она слугам, толпящимся за дверями.

На пороге появился сухопарый дьяк с пачкой листов в дрожащих руках. Положив бумагу на стол, он бросил косой взгляд на царицу и, тихо взвизгнув, бросился к дверям. Марина звонко рассмеялась. Первую строку она начала с обращения:

«Милостивый государь мой батюшка!

С низжайшею моею покорностию поручаю себя Вашим милостям. Не знаю, что писать к Вам в печали, которую имею как по причине отъезда Вашего отсюда, что я осталась в такое время без Вас, милостивого государя моего и благодетеля, так и потому, что с Вами не так простилась, как проститься хотела, а паче я надеялась и весьма желала, чтобы из уст государя моего батюшки благословение получить, но, видно, того я была

недостойна. Ныне, чрез сие письмо припадая к стопам Вашим, во-первых, в том прощения со слезами покорнейше прошу, что если я когда-нибудь по неосторожности, с умысла, по глупости, молодости или злости чем-нибудь Вас прогневала, благоволили бы, милостивый государь мой батюшка, теперь мне все оное отпустить и послать благословение дочери своей, в печали и разлуке оставшейся; что я величайшим счастьем почитать буду. При сем всепокорно прошу, дабы Вы, милостивый государь мой батюшка, забывать не изволили как меня, так и дел моих, имеющих в Польше, равно и тех, которых сами Вы, уехав, не кончили; пиша к его царской милости, упоминали бы и обо мне, прося его о том, дабы я у него почтение и милость иметь могла; а я также, милостивый государь мой батюшка, обещаюсь Вам исполнить все то, что Вы мне поручить изволили, и так поступать, как вы мне повелели. Коморский еще не едет, и я думаю, что путь его продолжится в рассуждении нескорого отправления от его царской милости; видно, неугоден скорый его отъезд.

Прошу Вас, милостивый государь мой батюшка, чтоб я, по милости Вашей, могла получить черного бархату узорчатого на летнее платье для поста двадцать локтей, прошу усильно. По-сылая к господам весьма нужные письма и ко ксензу Вислею, прошу их доставить. Сим сама себя и нижайшия мои услуги поручаю в любовь милостивого моего батюшки.

Писано в лагере под Москвою.

Милостивого государя моего батюшки покорная слуга и дочь Марина, царица московская».

* * *

Зырян уткнулся лицом в ароматное сено. Чуть поодаль стрекотал сверчок. По босым намозоленным пальцам ног скользило легкое дуновение ветерка. Пуля от выстрела пищали прошла вскользь по плечу, и рана почти зажила. Теперь она уже не так ныла, как раньше. Здесь, в стогу, он сможет отдохнуть и отоспаться, а потом — далее на Дон. Казаки давно хватились его, но куда там: пойдика ты отыщи ветра в поле.

Зырян ощущал кожаный пояс. Тугой кошель, доверху набитый грошами, был на месте. Узел был завязан крепко. Можно

было не беспокоиться, что добыча, чуть не стоившая ему, вольному казаку, жизни, уплывет, словно легкая казачья лодка.

«А лихой был тот дворянин, — усмехнулся Зырян. — Один пятерых казаков положил».

Ему бы, Зыряну, несдобровать, не окажись под рукой крепкого обычного ножа.

Сухарь был жестковат.

«С харчами вот дело плохо, — уныло посетовал Зырян. — Не было времени, чтобы жратвы себе добыть. Ноги еле унесли. И все-таки лихой был дворянин, — еще раз цокнул языком Зырян. — Ему бы в казаках ходить, а не под московским царем».

Солнце медленно садилось, и на поле стал опускаться вечерний сумрак. Он согнал остатки бодрости с беглого казака и рассыпал по небосводу ушат звезд. Зырян глубже зарылся в ароматное сено.

«Грабить своих, оно, конечно, грешно, — рассуждал он, жуя во рту соломинку. — Время нынче такое — смутное. Кто свой, а кто чужой, пойди тут разбери. Кончились на московском престоле законные государи». Хотя ему-то, Зыряну, что с того. Он — вольный казак. Не чета московитам.

Позади головы в сене раздался шорох. Зырян замер. Шорох вновь повторился, но теперь обрел явственный характер. В стогу был кто-то еще. Прячется али супротив него что удумал? Зырян тихо заскользил вниз. Оказавшись на ногах, он лихо перекинул ремень сабли через плечо и подхватил пистоль. Шорох в сене прекратился. Тихо обойдя стог с другой стороны, Зырян прислушался и тихо подобрался к сену. В стогу кто-то возился.

«Так вытащить или заставить самого вылезти? — размышлял Зырян, направив на стог пистолет. — Сам руку в сено протянешь, так по плечо отсекут. Нет уж, братцы, не пойдет так».

Зырян сделал несколько шагов назад. В одной руке Зырян крепко сжал свою саблю, в другой — заряженный пистолет. «Так спокойней», — убедил он себя, глядя на стог сена. И как раньше не учуял, когда лез в него. Сейчас уж что рассуждать.

— Эй, кто там? — громко выкрикнул казак. — Вылезай, кому говорю. — В сене вновь раздалось чье-то вошканье. — Вылезай, вылезай! — грозно повторил Зырян.

Сначала из стога показались чьи-то черные, как степная земля, ноги, а затем и разноцветная одежда. Зырян от страха чуть не бросил пистоль и саблю на землю.

— Чур меня! — испуганно завопил Зырян.

В ответ на его слова из стога вылез вовсе не сам сатана или даже меньше рангом черт. Из сена вылез самый обыкновенный мальчишка, только черный, как трубочист.

— Вот дела! — изумленно пролепетал казак. — Ты кто таков будешь? — заплетающимся от изумления языком спросил Зырян.

— Арап я, — по-польски пролепетал мальчишка. — Царицы вашей слуга и шут.

— Ничего не понял, — пробормотал Зырян. — По-русски говоришь?

Мальчишка кивнул головой и добавил:

— Совсем немного.

Зырян убрал пистолет за пояс и засунул саблю в ножны. Зырян обошел вокруг мальчонки, разглядывая его диковинный вид.

— Ты как здесь очутился?

Арапчонок уселся на сено и, опустив голову, жалобливо завопил:

— Убег я от хозяйки. Надоела такая жизнь.

Зырян понимающе кивнул.

— А кто твоя хозяйка? — переспросил Зырян.

— Говорю же: царица русская.

— Царица русская! — цокнул языком Зырян. Тут он весело расхохотался. Он наконец-то понял, о ком говорит этот арапчонок.

— Маринка Мнишек, выходит, — усмехнулся Зырян. — Самозванка.

Арапчонок отрицательно помотал головой и обиженно пробубнил:

— Царица русская, не самозванка.

— А пес с ней, — махнул рукой Зырян. — Ты-то куда идешь сейчас?

Арапчонок скривился.

— Иду, куда глаза глядят.

Зырян звонко расхохотался.

— Эдак ты, брат, далеко не уйдешь, — добавил он.

— Почему? — настороженно спросил арапчонок.

— Непокойно нынче! — пояснил Зырян. — Враз в кабалу влетишь. Хорошо, если к прежней хозяйке вернешься. Может, простит царица-то? — Зырян проникновенно посмотрел мальчишке в глаза.

— Не простит царица, — мрачно заявил арапчонок.

— Ну, тогда у тебя одна дорога, брат.

— Это куда, дядько? — Арапчонок заинтересованно посмотрел на стоявшего перед ним казака.

— На вольный Дон! — криво улыбнулся Зырян. — Сам туда собираюсь. Только вот дело одно доделаюздесь.

Арапчонок жалостливо посмотрел на Зыряна.

— Дядько, возьми меня с собой, — горестно пролепетал он.

Зырян задумался. На кой черт ему нужен этот черный как смоль парень? Свою бы голову до Дону целой донести. То польские уланы разездами рыщут, то самозванцы разные со своими ватагами разбойничают.

А попадешь воеводам царским в лапы, вмиг на плахе окажешься. С другой стороны, арапчонок этот не простой, денег немалых хозяйке стоил. Может, в случае чего и за него, Зыряна, словечко замолвит.

Зырян склонился к арапчонку.

— Зовут-то тебя как?

— Никак, — поморщился парень. — Арап я, и все.

Зырян почесал затылок:

— Без имени, брат, никак нельзя.

Карие глаза арапчонка сверкнули. Ему на мгновение показалось, что его жизнь обретает новый оборот.

— Давай мы тебя Кочубеем наречем, — предложил Зырян. — Был у нас на Дону лысый татарин. Мы его Кочубейка звали. — Зырян уселся на сено. — Кочубейка наш роста такого же, как ты, был, но силищу имел недюжинную. Подкову руками разжимал. Сгинул, жалко, в бою с польскими гусарами. На пики его посадили на ходу. Но умер геройски, жалко, что татарин был, не православный.

Арапчонок пожал плечами:

— Как скажешь.

— Значит, Кочубейка! — подмигнул ему Зырян. — Одежу бы тебе человеческую справить! — поразмыслил Зырян.

На Кочубейке был надет ладный кафтан, но на манер шутовского. Сшит он был из кусков материи разного цвета, только что бубенцов не было.

«Негоже такой кафтан будущему казаку носить», — довольно добавил про себя Зырян

Зырян твердо решил взять Кочубейку с собой на Дон, уж больно арапчонок напоминал ему их татарчонка.

— Давай-ка спать, Кочубейка, — распорядился Зырян. — Завтра чуть свет тронем в дорогу.

— Далеко идти? — по-польски поинтересовался Кочубейка.

Зырян лихо усмехнулся и буркнул:

— До плахи недалече, до Дону потопать придется.

Кочубейка молча кивнул. Зырян зарылся в сено. Сбоку у ног пристроился и Кочубейка.

«Эка твоя холопья душа, — лежа, думал Зырян про арапчонка. — Не может человек без господской руки. Ничего, Дон научит. Дон и не таких перемалывал».

Зырян тихо засопел. Где-то недалеко ухнула сова. На голы беглецов окончательно опустилась ночь. В ее почти непроглядной мгле мелькали черные тени всадников, слышалось ржание лошадей и протяжный волчий вой. Ночь жила своей темной, подчас страшной жизнью. В ее тягучей темноте свершались всяческие злодеяния и непотребства, на которые взирала равнодушная к миру людей луна.

Утро раскинуло над сырым черным полем покрывало непроглядного густого тумана. Туман был сырым и холодным, словно острие сабли, вонзающееся в беззащитное человеческое тело, скованное холодом и безысходностью бытия.

Зырян пошевелил подстреленной рукой. Ноющей боли не было.

Он протянул руку вниз и ухватил арапчонка на кафтан.

«На месте чертенка, — с удовольствием подумал казак. — Мог бы сигануть, и ищи ветра в поле. Забавный все-таки этот арапчонок Кочубейка».